

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 316.77:004

В. В. Зверевич

Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. *Что это за общество и как оно существует в этих реальностях?*

Рец. на кн.: Соколов А. В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. – С.-Петербург : Алетейя, 2012. – 352 с.

Ключевые слова: Соколов А. В., «Информационное общество в виртуальной и социальной реальности», рецензия, информационное общество, технократические концепции, критические концепции, консервативные концепции, социализация, викиномика, гуманистические программы, информатизация, Интернет.

Рассмотрим параграф 3.2 «Технократические концепции информационного общества» третьей главы. Отличительная особенность этих концепций, по мнению А. В. Соколова, «заключается в том, что они в соответствии с принципом технократического детерминизма исходят из определяющей роли интеллектуальной информационной техники в обществе будущего» (с. 186; здесь и далее ссылки на страницы рецензируемой книги). Все «технократические концепции информационного общества ... заняты перечислением и предвосхищением технических средств, обогащающих грядущее информационное общество» (с. 189). Типичным образцом отечественного «информационного технократизма» (с. 191), считает А. В. Соколов, может служить концепция *информационной цивилизации* (курсив А. С.) российского кибернетика и философа *Рифата Фаизовича Абдеева* (род. 1926).

В результате анализа этой концепции А. В. Соколов приходит к выводу, что концепция информационной цивилизации Р. Ф. Абдеева «примечательна в трёх отношениях: во-первых, она является носителем духа либерально-демократических настроений 90-х годов, ...; во-вторых, она служит свидетельством позитивистского снобизма, третирующего гуманитарное знание как собрание суеверий и заблуждений и вместе с тем претендующего на научно-философские открытия; в-третьих, ... представляет собой мифологический симулякр “информационного общества”», получивший распространение в наши дни» (с. 193). Не удовлетворяясь концепцией технократа-кибернетика Р. Ф. Абдеева, А. В. Соколов упоминает о социально-информационных оптимистических утопиях и пессимистических антиутопиях (с. 193–197) и приводит примеры двух концепций этого ряда.

«Типичным утопическим симулякром» А. В. Соколов считает концепцию информационного общества (ИО), принадлежащую председателю правления Российского союза IT-директоров *Борису Борисовичу Славину*: «*Информационное общество* – это такая самоорганизация людей, в которой рутинная нетворческая деятельность автоматизирована, а вся информация, накопленная человечеством, доступна каждому. <...> [При этом реализуется] свобода распространения информации, равенство в доступе к информации, братство в общении» (с. 194). (Последняя фраза этой цитаты кажется до боли знакомой, не правда ли?)

Подчёркивая утопичность концепции ИО Б. Б. Славина, А. В. Соколов утверждает, что идея всеобщей информатизации – не более чем изящный рекламный трюк предпринимателя. Ведь если информационные свобода, равенство и братство будут достигнуты, «не станет бедных пенсионеров и богатых олигархов, исчезнут коррупция и национальная, классовая и

религиозная вражда, ... [человечеству перестанут досаждать] экономические и политические кризисы...» (с. 195). Однако это не происходит и вряд ли произойдет в обозримом будущем.

Поэтика антиутопии, отмечает А. В. Соколов, «состоит в гипертрофии и доведении до абсурда благих пожеланий утопистов» (там же). В ряду антиутопий, имеющих отношение к ИО, он выделяет размышления российского логика и методолога науки, писателя «социологических романов» *Александра Александровича Зиновьева* (1922–2006).

Об информационном обществе А. А. Зиновьев рассуждает в своей книге «Глобальный человек». Он пишет, что в ИО компьютеры станут неразлучными спутниками каждого человека, что в них будет храниться вся душа «хозяина», включая подсознание, что со временем появятся компьютеры-дублиеры людей, которые будут в состоянии даже заниматься сексом друг с другом, при этом их хозяева будут заниматься чем-то другим, испытывая вместе с тем «сексуальное удовольствие в новых, искусственно изобретенных формах» (с. 196).

Однако научно-технический прогресс не сделает граждан ИО счастливыми: социальные антагонистические противоречия сохранятся, духовный мир граждан будет весьма бедным, они будут ориентированы исключительно на борьбу за материальные блага, неизбежно идейное и моральное разложение и т. д. В результате получается, что «созданная человеческим гением мощная техносфера, неотъемлемой составной частью которой является информационно-компьютерный сектор, представляет собой “океан зла”, угрожающий существованию человечества» (с. 197).

Далее А. В. Соколов признаётся, что «Глобальный человек» кажется ему «более убедительным, чем безмятежные картины “информационной цивилизации”, нарисованные оптимистами-технократами. Но жить в “человечнике” очень не хочется» (там же). Где же выход? Наверное, это некая «золотая середина» между утопией и антиутопией, поиску которой может помочь нижеследующая концепция ИО.

В заключение рассматриваемого параграфа автор анализирует *концепцию информационного общества* (курсив А. С.) американского социолога испанского происхождения *Мануэля Кастельса* (род. 1942), без упоминания трудов которого не обходится ни одно обсуждение проблем ИО.

А. В. Соколов относит концепцию М. Кастельса к технократическим, поскольку «он исходит из постулата, что реальным двигателем социально-экономических перемен в “информационную эпоху” послужила технологическая революция, построенная на информационных технологиях» (с. 198). Соответственно, экономика такого общества *информационна* (термин М. Кастельса, курсив А. С.), так как «производительность и конкурентоспособность в этой экономике ... зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях» (с. 199).

Подводя итоги анализа технократических концепций ИО, А. В. Соколов отмечает: в общем смысле они, включая концепцию М. Кастельса, утверждают «вечность капиталистических отношений, господство меритократии, классовый антагонизм, технологический детерминизм и девальвацию гуманистических ценностей» (с. 203).

Не все исследователи, как утверждает А. В. Соколов, разделяют технократические концепции. В следующем параграфе (3.3) третьей главы он анализирует гуманистические концепции ИО (с. 203–230).

В разделе 3.3.1 автор рассматривает критические и консервативные концепции ИО и

отмечает, что эти концепции «не отрицают постоянно растущее значение информации в современном капиталистическом обществе, но не разделяют оптимизма технократических программ. <...> В зависимости от идейной позиции критиков технократических симулякров можно поделить на три группы: экономисты, марксисты, консерваторы» (с. 205).

А. В. Соколов анализирует взгляды одного из выдающихся представителей каждой группы.

В первой группе он выделяет американского экономиста *Питера Фердинанда Друкера* (1909–2005), основоположника экономической дисциплины «менеджмент». П. Друкер пишет: «членами основанного на знаниях общества должны быть ... информационные (интеллектуальные) работники. Благодаря эффективному менеджменту эти люди ... способны обеспечить переход от традиционного индустриального капитализма к экономической системе, основанной на знаниях и информации» (с. 207).

А. В. Соколов называет концепцию («посткапиталистический симулякр», по его выражению) П. Друкера «менеджерской моделью» (курсив *А. С.*), гуманистическая сущность которой «... состоит в том, что главным двигателем социально-экономического прогресса признается не информационная техника и даже не абстрактно взятые информация и знание, а *менеджер* (курсив *А. С.*) – активная человеческая личность...» (там же).

Во второй группе А. В. Соколов обращает внимание на американского социолога-марксиста *Герберта Шиллера* (1919–2000), который «не питает иллюзий относительно эффективного менеджмента, вооруженного информацией и знаниями» (с. 208). В своих работах Г. Шиллер пишет, что информационная революция была инициирована корпоративным капиталом и осуществляется в его интересах, коммерциализация информационной сферы способствует росту неравенства в возможностях доступа к информации, и больше всех от информационной революции выиграли крупные корпорации в передовых капиталистических странах и т.д. В результате Г. Шиллер приходит к выводу: «информационное общество – это не более чем производство, обработка и передача очень большого количества данных обо всем ..., чтобы удовлетворить потребности гигантских корпораций промышленно развитых стран...» (с. 211).

В третьей группе консерваторов А. В. Соколов выделяет профессора Городского университета Лондона *Фрэнка Уэбстера* (род. 1950); он «отвергает идею информационной революции, которая якобы привела к появлению совершенно нового социального устройства» (с. 212), тем самым позиционируя себя в качестве *консерватора* (курсив *А. С.*). Ф. Уэбстер считает, что несмотря на рост количества информации и значения информационной деятельности в обществе «информационные преобразования не открывают новую стадию цивилизационного процесса ..., а представляют собой *очередную фазу* (курсив *А. С.*) развития капитализма, устои которого информатизация не изменяет» (там же).

А. В. Соколов считает концепцию Ф. Уэбстера «разумно взвешенной и более убедительной, чем некритическая апологетика информационного общества» (с. 213).

Раздел 3.3.2 посвящён анализу ноосферологии А. Д. Урсула (с. 213–216). Концепция российского философа-информатика *Аркадия Дмитриевича Урсула* (род. 1936) представляет собой «стратегическую программу выхода человечества из системного кризиса на экономическом, экологическом, культурном, политическом и других уровнях» (с. 214). Он выделяет три стадии ноосферогенеза (управляемого процесса), который «должен осуществляться под руководством хорошо информированной “ноосферной элиты”, осознавшей пути преодоления кризиса и обладающей властными полномочиями <...>:

Информационное общество или инфосфера (курсив *А. С.*) – результат ... гуманистически ориентированного процесса информатизации в масштабе. <...> для появления совокупного “сверхразума”, который реализует рационально-гуманистическую перестройку общества;

Экологическое общество (эконоосфера) – следующая стадия развития ноосферы, когда будет устранена угроза экокризисов и экокатастроф. <...> “Сверхразум” человечества ... должен исполнять роль гаранта становления и развития эконоосферы;

Космическое общество (космоноосфера) – качественно новое состояние человечества, которое ... окажется межпланетной цивилизацией с ... высокой “космической культурой”, наиболее полной реализацией принципов гуманизма, нравственности и права» (с. 214, 215).

Выдвигая стратегическую программу пути в ноосферу, А. Д. Урсул предлагает развивать *ноосферологию* (науку, обеспечивающую разработку научных методов ноосферогенеза). По мнению А. В. Соколова, ноосферология «...должна интегрировать в свое содержание все прикладные технологические дисциплины и фундаментальные теории, в предмет которых входят семантическая информация, машинная информация, математические теории информации» (с. 216).

В разделе 3.3.3 автор исследует проблемы трансгуманизма и киборгизации, а также концепцию постинформационного общества. Трансгуманизм и киборгизация – два главных направления «постчеловеческой трансформации. Первое более-менее согласуется с традиционным гуманизмом, а второе тяготеет к технократическим воззрениям» (с. 216). *Трансгуманизм* (курсив А. С.) «исходит из постулата, что человечество далеко не исчерпало биологический потенциал своего развития и способно к дальнейшему (возможно, неограниченному) физическому и духовному совершенствованию личности» (с. 217). Идеи трансгуманизма А. В. Соколов находит у Ч. Дарвина, Ф. Ницше, В. И. Вернадского, Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского.

Киборгизация «...представляет собой искусственный процесс совершенствования (улучшения) генетически унаследованной природы homo sapiens. Результатом этого процесса является *киборг* (курсив А. С.) – искусственно произведенный гибрид естественного человека и техногенных деталей» (с. 220). Далее автор пишет, что наличие у человека таких технических приспособлений, поддерживающих его здоровое состояние, как очки, вставные зубы, искусственная почка и т.д., делают его киборгом. А уж «интернетоман – ещё более продвинутый киборг с техногенно деформированной психикой, так сказать, еще более совершенное произведение информационных технологий» (с. 220).

Постинформационное общество (курсив А. С.) идёт на смену обществу информационному. А. В. Соколов предполагает, что «в силу социальной преемственности будущее постинформационное общество сохранит и даже разовьёт некоторые характерные экономические и социальные особенности нашей информационной эпохи» (с. 221). Как пишет автор далее, теоретики ИО полагают, что в экономике преимущественное развитие получит сектор информационных услуг, где будет занято до 80% работоспособного населения; усилится раскол постиндустриального социума на интеллектуальную информационную элиту и малообразованное творчески пассивное большинство. В результате он приходит к выводу: «от информационного общества возможны два пути эволюции человечества: либо гуманистический путь развития человеческой природы, либо технократический путь к постчеловеческому киборгу. <...> от виртуальных реалий рассмотренных концепций к неведомым социальным реалиям информационного общества» (с. 224–225).

Главу 4 монографии А. В. Соколов назвал: «*От виртуализации к социализации*». Он видит два основных пути социализации ИО: *технократический и гуманистический* (с. 232; курсив А. С.). А задача этой главы – «оценить современные направления культивации и утилизации идеи информационного общества, а также реальную активность по ее социализации на международном уровне и в масштабе нашей страны» (с. 233).

В параграфе 4.1 «Глобальное информационное общество» автор приводит читателя к пониманию того, что представляет собой ИО в глобальном (всемирном) масштабе. Информатизация и глобализация – две взаимосвязанные мегатенденции развития современного общества. А. В. Соколов отмечает: «Процессы глобализации прокладывают человечеству путь в глобальное (всемирное) многонациональное общество. Вместе с тем, разрешение большинства глобальных проблем требует постоянного и оперативного взаимодействия в планетарном масштабе, которое можно обеспечить только в рамках информационного общества» (с. 234). Получается, что ключевая проблема современности – построение глобального ИО, поскольку эти две составляющие общества будущего друг без друга существовать не могут.

А. В. Соколов подробно анализирует эти две мегатенденции в разделе 4.1.1 «Информатизация и глобализация». Под *информатизацией* (курсив А. С.) он понимает «использование искусственно созданных носителей семантической или машинной информации в социальных процессах коммуникации, познания и управления» (с. 234), а под *глобализацией* – «придание чему-либо глобальных масштабов, распространяющихся на весь земной шар» (с. 236).

Процессы глобализации стали предметом изучения комплексной научной дисциплины, получившей название *глобалистика* (курсив А. С.). В комплексе глобалистики представлены следующие научные направления, которые подробно проанализированы в монографии:

1. Футурологическая глобалистика – наука о сохранении земной цивилизации;
2. Естественнонаучная глобалистика (геоэкология);
3. Экономическая глобалистика (геоэкономика);
4. Социально-демографическая глобалистика;
5. Политическая глобалистика (геополитика);
6. Культурологическая глобалистика;
7. Христианская глобалистика (с. 237–249).

В результате получается: мегатенденция информатизации – необходимое условие для возникновения мегатенденции глобализации, глобальное общество *не может не быть* информационным, а стабильное и развитое ИО *не может не быть* глобальным (курсив А. С.). А. В. Соколов предлагает «глобальное» определение ИО: «*Информационное общество есть симулякр глобального постиндустриального интеллектно-развитого социума, удовлетворяющего посредством машинных и информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства*» (с. 251; курсив А. С.).

Это «глобальное» определение учитывает синтез двух мегатенденций развития общества – глобализации и информатизации – и подтверждает высказанное автором ранее: идея ИО существует пока в виртуальной реальности в виде симулякра, но может социализироваться, т.е. перейти в социальную реальность и лечь в основу реального общества, которое было бы «глобальным, интеллектуально развитым и удовлетворяющим посредством мощной информационно-коммуникационной базы разнообразные потребности своих социальных субъектов» (с. 251). Однако, как отмечает автор, оптимистические взгляды на глобальную информатизацию встречаются редко. К их числу относится концепция викиномики, получившая практическое развитие в 2000-е гг.

Эта концепция, относящаяся к экономической глобалистике (или геоэкономике), анализируется в разделе 4.1.2 «Глобальная викиномика». А. В. Соколов постулирует: «сочетание мегатенденций глобализации и информатизации в условиях начала XXI века является категорическим императивом, и викиномика успешно реализует этот императив» (с. 252).

По словам создателей концепции викиномики Дональда Тапскотта и Энтони Уильямса, викиномика представляет собой «новое и необыкновенно эффективное “искусство и науку производства на равных”, которое возникло вследствие глубоких изменений в технологии, демографии, бизнесе, экономике и в мире в целом. <...> Прогрессивные предприниматели склонны ... превращать свои организации в открытые сетевые корпорации, оперативно контактирующие со сторонними специалистами и клиентами в глобальном масштабе. Основным техническим ресурсом викиномики является Интернет 2.0 (в отечественной практике значительно чаще используется термин *Веб 2.0. – В. 3.*)» (с. 252).

Практическим примером применения викиномики можно назвать всемирную интерактивную энциклопедию *Википедия*, реализованную на основе программного продукта *вики (wiki. – курсив А. С.)*, позволяющего пользователям редактировать содержание веб-страниц онлайн в процессе доступа. Таким образом, каждый посетитель Википедии «мог внести свою лепту в энциклопедическую статью. <...> В настоящее время Википедия использует всего пять штатных сотрудников, а её объём в десять раз больше, чем у энциклопедии Британника. Англоязычная версия насчитывает более миллиона статей, а количество сайтов на других языках ... превышает девяносто» (с. 254, 255). Добавлю: по количеству статей русскоязычный отдел Википедии занимает седьмое место в мире.

Конечно, в статьях, составленных самими пользователями, неизбежно присутствуют ошибки, однако коллективная редакция быстро их распознаёт и устраняет. А. В. Соколов отмечает: «обнаруженные неточности в Википедии исправляются в течение 2-х минут, а в Британнике остаются до следующего переиздания» (с. 255).

Сравнивая Википедию с Коллективным Интеллектом академика Н. Н. Моисеева, А. В. Соколов пишет: «Напрашивается вывод, что Интернет 2.0 (или Веб 2.0. – В. 3.) с викиномической технологией сбора, обработки и использования индивидуальных знаний *как раз и является* (курсив А. С.) тем самым Коллективным Интеллектом.<...> Другими словами, появляются основания для того, чтобы считать “мир викиномики” ... воплощением идеи информационного общества» (с. 256). А. В. Соколов вроде выражает готовность согласиться с этим. Ведь концепция викиномики представляет собой «не симулякр, существующий в виртуальной реальности, а осмысление фактических изменений инфосферы, происходящих в наши дни в социальной реальности. Викиномике присущи установленные нами существенные признаки информационного общества: глобальность, интеллектность, электронно-цифровая основа» (там же).

Вместе с тем Аркадий Васильевич выдвигает два возражения против отождествления викиномики и информационного общества. Во-первых, «концепция викиномики лежит в русле интересов капиталистических транснациональных корпораций <...>. Развивая массовое сотрудничество независимых экспертов, ТНК преследуют свои корыстные интересы, а не процветание глобального сообщества всего человечества» (с. 257). Следовательно, это «глобальное информационное общество» не является гуманистическим. Во-вторых, «“онлайновый коллективизм” ... несёт угрозу снижения уровня Коллективного Интеллекта до уровня “мутного анонимного потока всеобщей посредственности”» (с. 257). При решении сложных проблем, требующих профессиональных знаний, технология «массового сотрудничества» непригодна, «нельзя совместными усилиями врачей и больных разрабатывать методы лечения шизофрении» (там же). Трудно не согласиться с Аркадием Васильевичем.

Викиномика, являясь впечатляющим примером массового сотрудничества в Сети, успешно сочетает в себе мегатенденции информатизации и глобализации. Викиномика – одно из ярких практических достижений технократического мышления.

Шансы для гуманизации глобального ИО А. В. Соколов пытается найти в деятельности ООН и ЮНЕСКО. Этому посвящён раздел 4.1.3 «Глобальные гуманистические программы».

Автор отмечает: в настоящее время, в эпоху глобализации, ООН «пытается стать “институтом глобального управления”, который способен противостоять разрушительным, антигуманистическим и антипросветительным следствиям всемирной интеграции. Глобальное управление нуждается в информационном обеспечении, отсюда – заинтересованность ООН в реализации идеи глобального информационного общества» (с. 258).

Одной из Целей развития тысячелетия ООН провозгласила обеспечение устойчивого развития окружающей среды. Иод *устойчивым развитием* (курсив А. С.) понимается «такой процесс изменений, когда эксплуатация природных ресурсов, инвестиции капитала, научно-технический прогресс, развитие личности и модернизация социума согласованы друг с другом и ориентированы на удовлетворение потребностей как настоящего, так и будущего поколений» (с. 259). Такое понимание «устойчивого развития» объединяет в себе экономические, социологические и экологические аспекты человеческого бытия. Однако А. В. Соколов справедливо отмечает отсутствие в этом определении всякого упоминания о глобальном ИО. По каким-то причинам, которые нам понять, вероятнее всего, уже не удастся, эти два приоритета в деятельности ООН в 2000 г. были разъединены.

Проблемы ИО рассматривались на саммите руководителей экономически развитых стран Большой Восьмерки, состоявшемся в июле 2000 г. на острове Окинава. Участники саммита подписали *Окинавскую Хартию Глобального Информационного общества* (курсив А. С.), которая публично оформила в сконцентрированном виде идеи ИО на международной арене.

В Окинавской хартии декларировано:

«1. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. <...> Перед нами открываются огромные возможности.

2. <...> информационное общество, как мы его представляем, позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления <...>

3. <...> все люди повсеместно, без исключения, должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества <...>» (с. 260).

После саммита на Окинаве работа ООН над решением проблем ИО получила продолжение. В декабре 2003 г. в Женеве состоялся *Всемирный Саммит по информационному обществу*, на котором были приняты «Всемирная декларация» и «План действий», развивающие положения Окинавской хартии. В ноябре 2005 г. в Тунисе состоялся Всемирный форум на высшем уровне под девизом: «*Путь к справедливому информационному обществу через консенсус и ответственность*». На этом Форуме приняты: «Тунисское обязательство», в котором подчёркнуты значимость ИТ в преодолении «цифрового разрыва» в мире, необходимость эффективного сотрудничества в целях построения глобального ИО и «Тунисская программа для информационного общества» (с. 261).

ЮНЕСКО тоже не осталась в стороне от глобальной мегатенденции информатизации. В том же 2000 г. была разработана межправительственная программа ЮНЕСКО «*Информация для*

всех», целью которой провозглашалось *построение информационного общества для всех* (там же; курсив А. С.). Задачи этой Программы:

- «содействие международному осмыслению и обсуждению этических, правовых и социальных вызовов информационного общества;
- содействие и расширение доступа к информации, являющейся общественным достоянием, путём упорядочения, оцифровки и сохранения информации;
- поддержка обучения, продолжения образования и обучения на протяжении всей жизни в области коммуникации, информации и информатики;
- поддержка создания местного контента и стимулирование доступности традиционных знаний через обучение общей и информационной грамотности;
- содействие использованию международных стандартов и передового опыта в области коммуникаций, информации и информатики в сфере компетенции ЮНЕСКО;
- содействие обмену информацией и знаниями на местном, национальном, региональном и международном уровне» (с. 261, 262).

Принятый в октябре 2008 г. Стратегический план действий программы ЮНЕСКО «Информация для всех» на 2008–2013 гг. включает в себя пять областей деятельности:

1. Разработка международной, региональной и национальной информационной политики.
2. Развитие человеческих ресурсов и возможностей для информационной эпохи.
3. Мероприятия по обеспечению доступа к информации.
4. Разработка средств и систем обработки и управления информацией.
5. Информационные технологии для образования, науки, культуры и коммуникаций (с. 262–263).

Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех» функционирует с декабря 2000 г. Его неизменный председатель – *Евгений Иванович Кузьмин* (род. 1955).

Вот мы и подошли к *российским программам построения информационного общества*.

А. В. Соколов посвящает им параграф 4.2 (с. 267–280), где подчёркивает: идея ИО в России прошла в своём развитии те же стадии, что и везде – зарождение, культивация, утилизация и социализация (идёт в настоящее время). Поскольку эти стадии автор подробно проанализировал в параграфе 1.2. «*Зарождение и развитие идеи информационного общества*», который мы рассмотрели в первой части рецензии (№ 6 2013 г.), здесь не будем подробно останавливаться на том, как А. В. Соколов описывает их прохождение в нашей стране.

В настоящее время развитие идеи ИО в России проходит стадию социализации. Как отмечает автор, мы располагаем для этого «неплохими предпосылками – целым собранием государственных программ построения информационного общества в России» (с. 266).

Перспективы социализации ИО в России А. В. Соколов анализирует в параграфе 4.3 (с. 280–316), начиная с разбора Государственной программы Российской Федерации «*Информационное общество (2011–2020)*». Утверждение этой программы Правительством РФ в октябре 2010 г. «знаменовало переход от культивации и утилизации идеи ... информационного общества в виртуальной реальности к этапу социализации, то есть практическому воплощению информационного общества в социальной реальности современной России» (с. 280). В разделе 4.3.1 (с. 281–286) автор подробно анализирует эту

программу, её направление, цели и задачи.

В библиотечно-информационной сфере Программа предусматривает «создание национального библиотечного ресурса с унифицированным каталогом на базе оцифрованных фондов Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, библиотек государственных академий наук Российской Федерации, а также государственных и муниципальных публичных библиотек» (с. 282). В результате гражданину российского ИО «для того, чтобы подобрать литературу по интересующей тематике, достаточно будет воспользоваться электронным каталогом любой библиотеки на всей территории страны» (там же).

А. В. Соколов также отмечает: «на построение информационного общества планируется направить заметную долю государственных средств – *не менее одного процента!*» (с. 283; курсив А. С.) и подчёркивает, что, согласно Программе, образ жизни людей в российском ИО будет совершенно другим, чем в наши дни.

Однако не всё так радужно. Аркадий Васильевич справедливо утверждает – содержание Программы носит откровенно технократический характер и отмечает, что в обществе Программа оценивается неоднозначно. Он пишет: целые группы наших сограждан, особенно пенсионеры и пожилые люди, недоумевают, зачем нужно расходовать огромные средства, чтобы, например, внедрить в школах ведение электронных классных журналов или усовершенствовать сдачу ЕГЭ, и даже пассивно сопротивляются мероприятиям по созданию ИО.

В результате А. В. Соколов приходит к выводу: государственная программа построения ИО в России носит ярко выраженный технократический характер, «в построении информационного общества кровно заинтересованы *государство и торгующий информацией бизнес* (курсив А. С.), но никак не народные массы» (с. 284). «Информационные элементы постепенно вырисовываются в экономической сфере, в государственном управлении, в социальной коммуникации, в образовании и культуре, но назвать современное российское общество информационным никак нельзя» (там же).

Почему же так происходит? Почему россиян «... не вдохновляет перспектива построения информационного общества в нашей стране» (с. 286)? Об этом А. В. Соколов рассуждает в последующих разделах параграфа 4.3.

В разделе 4.3.2 «*Российская цивилизация как объект информатизации*» А. В. Соколов, в частности, утверждает: «Российские исследователи западных авторитетов ... связывали постсоветское реформирование России с преобразованием её в “информационную цивилизацию” по западному образцу» (с. 286).

На основе историсофского анализа развития западной и российской цивилизации с XIX в. до наших дней автор показывает, что эти исследователи заблуждались, и демонстрирует читателю «нелепость технократического замысла информационной цивилизации. <...> потому что она не обладает свойственными нациям единством языка и территории, политической независимостью и общностью экономической жизни» (с. 292). Следовательно, любая цивилизация (российская – не исключение) в процессе информатизации должна сохранять свой национальный характер. «*Российская цивилизация не может быть «объектом информатизации»* (курсив А. С.), потому что нельзя информатизировать российские просторы и ландшафты, нельзя информатизировать генофонд населения» (с. 295). Можно информатизировать общество (читай – построить ИО), но не цивилизацию.

А. В. Соколов подчёркивает, что в процессе строительства ИО в России должны быть получены ответы на два вопроса: «1) какие изменения в структуре российского общества

должны произойти, чтобы его можно было считать “информатизированным”? 2) сохранит ли информатизированная “русская душа” свойства русской ментальности?» (с. 295).

Чтобы приблизиться к ответу на эти вопросы, нужно выбрать некий измеримый критерий для оценки результатов процесса. *Критерием информатизации* (курсив А. С.) российского общества Аркадий Васильевич предлагает выбрать «... степень приобщения населения России (особенно молодёжи) к Всемирной сети Интернет» (там же).

Степень приобщения российского общества к Интернету А. В. Соколов исследует в разделе 4.3.3 *«Интернет в России»*. Автор акцентирует внимание читателя на том, что Интернет «... существенно необходим гражданам грядущего мира информации для самостоятельной жизнедеятельности. <...> Чуждый Интернету человек не может быть полноценным членом информационного общества. Следовательно, расширение круга пользователей Интернет является показателем роста информационного общества в той или иной стране» (с. 295, 296). При этом отмечено: к началу 2010 г. «пользователями Интернет числилось ... 25,5% общего населения земли» (с. 296), а в России «более трети россиян и три четверти молодёжи уже подготовились к жизни в информационном обществе» (с. 298). Так ли это?

Оказалось, социология Интернета не столь проста. А. В. Соколов считает, что социальную структуру пользователей Сети следует раскрывать с точки зрения владения информационными технологиями, и предлагает делить их на четыре класса:

«Класс К – высококвалифицированная интеллектуальная элита, управляющая научно-техническим развитием Сети и обеспечивающая *культивацию* идеи информационного общества, ... генералитет Интернета.

Класс У – профессионалы информационных технологий, свободно ориентирующиеся в Сети и способные вносить частные усовершенствования, обеспечивающие совершенствование Сети и *утилизацию* идеи информационного общества, назовём их *офицерским корпусом*.

Класс Н – фанаты, использующие возможности и ресурсы Сети для индивидуального самовыражения, так сказать, *невольники* Интернета. Интернет способен стать жизненно необходимым для своих клиентов, то есть *поработить* их.

Класс С – пользователи, ... обращающиеся к ресурсам Интернета для решения своих ... задач, ... это многочисленный *рядовой состав* армии Интернет, который *предопределяет социализацию* идеи информационного общества» (с. 299, 300; курсив А. С.).

А. В. Соколов так видит роль каждого класса в построении ИО: «Рядовые пользователи (Класс С. – В. З.) ощущают на собственном опыте все достоинства и все недостатки Всемирной Сети. Но перспективы развития Интернета от них не зависят. <...> Классы К и У – это интеллектуальное ядро информационного общества, которое *предопределяет* его существование в качестве социальной реальности. Зарождение и *культивация* идеи информационного общества, так же как её практическая реализация, происходили благодаря творческим усилиям генералов и офицеров Интернета. <...> Класс Н ... можно было бы считать нежелательным побочным эффектом информационно-технологической революции и не принимать во внимание, если бы хакеры и киберпанки довольно громко не заявляли о себе» (с. 300). Получается, что Класс Н – неизбежное зло на пути к ИО, с которым приходится считаться.

В конце этого раздела А. В. Соколов предлагает свои варианты ответа на поставленные ранее два вопроса, связанные со строительством ИО в России (с. 295). Отвечая на вопрос, какие изменения в структуре российского общества должны произойти, чтобы его можно было считать «информатизированным», А. В. Соколов утверждает: «... несмотря на высокий

количественный показатель проникновения Интернет в современное российское общество ... мы не можем ... считать, что в нашей стране состоялась социализация идеи информационного общества, и нынешнее российское общество является информационным. <...> Нельзя сказать, что интеллект и знание играют решающую роль в современной России. Вместе с тем именно от них зависит реальный облик информационного общества. <...> [Поэтому], нет уверенности в том, что в 2020 году ... россияне ощутят только достоинства “мира информации” (с. 303).

Отвечая на второй вопрос – сохранит ли информатизированная «русская душа» свойства русской ментальности, А. В. Соколов предлагает разобраться в том, что будет представлять собой антропологический тип приобщённого к Интернету жителя будущей информатизированной России. Здесь «решающее слово принадлежит массовому Классу С, ... молодёжному слою этого класса» (с. 303). В целях соблюдения терминологической чистоты А. В. Соколов предлагает называть граждан ИО *Homo informaticus* – человек информационной культуры (курсив А. С.).

Изучению феномена *Homo informaticus* посвящён раздел 4.3.4, в котором А. В. Соколов ищет ответ на вопрос, в какой мере интеллектуальный уровень и ценностные ориентации *Homo informaticus* соответствуют традициям российской цивилизации. Проанализировав ряд социологических исследований, автор приходит к выводу: «30% молодых россиян достигнут уровня *Homo informaticus*. Остальные 70% пополнят ряды пользователей класса С» (с. 305).

Далее он пишет: «Распространение субкультуры Интернета и мобильных коммуникаций провоцирует мысль о возможности преобразования национальной культуры в культуру информационную». Однако, как характеризует А. В. Соколов свои промежуточные выводы далее, «Социальная информационная культура – такой же фантом, как информационная реальность и информационная цивилизация» (с. 307, 308; курсив А. С.). Но реальный социум характеризуется информационной культурой личности (курсив А. С.), которой должен владеть каждый уважающий себя *Homo informaticus*.

Для определения информационной культуры личности А. В. Соколов использует толкование известного отечественного библиотековеда-педагога, профессора Кемеровского ГУКИ Натальи Ивановны Гендиной, которая понимает информационную культуру личности (курсив А. С.) как «совокупность информационного мировоззрения и систему знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий» (с. 309). В результате А. В. Соколов приходит к следующей дефиниции: «*Homo informaticus* – *homo sapiens* с информационной культурой личности» (с. 315, 316; курсив А. С.).

Последний параграф главы 4 автор назвал «Антиномия идеи информационного общества». Она «заключается в несовместимости объяснений способа его существования <...>: 1) информационное общество – общество, основанное на машинных информационных технологиях, 2) информационное общество – общество, основанное на Коллективном Интеллекте. Первое объяснение свойственно технократическому мировоззрению. Второе объяснение ближе гуманистическому мышлению» (с. 316; курсив А. С.).

Далее А. В. Соколов рассматривает аргументы технократической правды и неправды (раздел 4.4.1) и отмечает: они обе «базируются на постулате (аксиоме), что в результате информационно-технологической революции в конце XX столетия человечество вступило в новую “информационную эпоху”, а в экономически развитых странах формируется информационное общество, которое в перспективе станет глобальным» (с. 317). Достижения научно-технического прогресса – истинная «технократическая» правда. Неправда же в том, что она ориентирована на формирование у обездоленных народных масс привлекательного образа грядущего ИО, руководящей силой которого будет *технократическая элита* (или

меритократия), «сообщество креативных, эрудированных и деловых *Homo informaticus*» (с. 319), которое и будет определять социальные отношения в информационном обществе. И в этом «справедливом обществе все граждане будут иметь неограниченный доступ к информации, и все станут богаты, здоровы и счастливы» (с. 322). Это утверждение, разумеется, неправдоподобно.

Далее А. В. Соколов рассматривает аргументы гуманистической правды и неправды (раздел 4.4.2). В современном мире прогрессирующему технократическому мировоззрению всё более резко противопоставляется «гуманистическая» правда, основанная на принципах: «человек – высшая ценность общества, ... творческая индивидуальность, имеющая право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей» (с. 322). Главными добродетелями современного интеллигента-гуманиста провозглашаются «человеколюбие, справедливость, толерантность, милосердие, ... стремление к знанию» (с. 323).

Однако гуманистическая правда по своей природе утопична. «Многовековые попытки построения идеального общества неизменно заканчивались ложью и кровавыми трагедиями. <...> Теперь времена переменились, но уязвимость гуманистической правды осталась прежней: есть возвышенная цель, но неизвестны пути и средства достижения цели» (с. 326). В результате А. В. Соколов приходит к выводу: «Гуманистическая неправда – это довод в пользу технократической правды, так же как технократический обман служит доводом в пользу гуманистической правды. Идея информационного общества оказывается антиномией с двумя противоположными решениями: технократическим и гуманистическим» (там же).

В конце параграфа А. В. Соколов, рассматривая идею ИО как социальный миф и культурную универсалию (раздел 4.4.2), пишет: «Путь идеи информационного общества от виртуализации к социализации – это путь от симулякра к мифу». При этом, если симулякр – это «знак, скрывающий, что ничего нет», то миф – это «знак, скрывающий, что что-то есть» (с. 328).

В результате автор приходит к выводу: «*Информационное общество есть социальный миф о глобальном постиндустриальном интеллектно-развитом социуме, удовлетворяющем посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства*». Эта формулировка может читаться двояко: в технократическом контексте – с акцентом на средства машинной информации, в гуманистическом – с акцентом на удовлетворение потребностей личности, социальных групп и государства» (с. 328; курсив А. С.). Мифологема ИО утверждает веру в светлое будущее человечества (т.е., то, что есть. – В. З.).

Идея ИО уже фактически стала *универсалией культуры* (курсив А. С.), которая «влияет на индивидуальное, групповое и общественное мировоззрение нашей эпохи» (с. 330). Эту идею необходимо считать таковой потому, что в силу своей мифологической природы она «может представлять гуманистический или технократический социальный идеал, что её ... волнующая привлекательность ... заключается в том, что, раскрывая сценарии будущего, она удовлетворяет потребности личности и общества в самосознании и самореализации» (там же). Будущее покажет, как и в каких формах осуществится социализация идеи в России и в мире.

Заключение к своей монографии А. В. Соколов назвал «*Идя по собственным следам*». Желая проиллюстрировать *логику и методологию* (курсив А. С.) и «удостовериться в правильности выбранного пути» (с. 333), автор ещё раз воспроизводит «основные вехи движения мысли от постановки задачи во Вступлении до трактовки идеи информационного общества как культурной универсалии в конце последней главы» (с. 334). В рецензии этот путь автора рассмотрен в подробностях, повторяться нет смысла.

Отметим, что в Заключении Аркадий Васильевич приглашает вступить с ним в дискуссию. Он пишет: «Наверняка наш ответ (на вопрос, что такое информационное общество. – В. З.)

нуждается в дальнейших уточнениях и корректировках, которые сегодня ... неизвестны» (с. 334). И далее: «В ней (книге. – В. З.) наверняка немало пробелов и спорных, односторонних и даже ошибочных суждений» (с. 349).

Что ж, приму приглашение Аркадия Васильевича, тем более, что поспорить с мэтром и своим учителем, помимо всего прочего, – огромное удовольствие. Остановлюсь на некоторых моментах книги, которые вызвали желание подискутировать.

В разделе 3.3.3 «Трансгуманизм и киборгизация. Постинформационное общество» (параграф 3.3 «Гуманистические концепции информационного общества» главы 3 «Концепции информационного общества») А. В. Соколов пишет о неизбежности киборгизации населения на пути от информационного к постинформационному обществу. Киборгизация «... представляет собой искусственный процесс совершенствования (улучшения) генетически унаследованной природы *homo sapiens*. Результатом этого процесса является *киборг* (курсив А. С.; в скобках замечу, что это не что иное, как *кибернетический организм* – В. З.) – искусственно произведённый гибрид естественного человека и техногенных деталей» (с. 220). Далее автор пишет, что наличие у человека таких технических приспособлений, поддерживающих его здоровое состояние, как очки, вставные зубы, искусственная почка и т.д. делают этого человека киборгом. А уж «интернетоман – ещё более продвинутый киборг с техногенно деформированной психикой, так сказать, ещё более совершенное произведение информационных технологий» (там же).

Не слишком ли круто, Аркадий Васильевич? Ведь если оглянуться вокруг, придётся лишний раз убедиться, что в нашей стране (да и в других странах тоже) очень много людей, носящих очки, использующих для улучшения двигательной функции палки, трости и т.д. Специальный досмотр в аэропортах (а в последнее время и во многих других местах, поскольку почти везде – электромагнитные ворота) вынуждены проходить люди с кардиостимуляторами и/или с металлическими штифтами, установленными при переломах костей. Прохождение через обычные электромагнитные ворота для этих людей чревато риском для жизни. А скольким людям становится необходима ортопедическая стоматология в самом разном возрасте? Я уже не говорю о том, что в развитых странах (в России пока ещё нет) у инвалидов нет проблем, чтобы добраться куда-либо в инвалидной коляске и получить те же услуги, которые доступны и обычным людям. Что же, все они – киборги, а у нас – общество кибернетических организмов? Наверное, всё-таки нет, и люди, вынужденные использовать технические приспособления, по своей сущности ничем не отличаются от других членов общества.

Киборгом (кибернетическим организмом) называются герои ряда фильмов с участием А. Шварценеггера («Терминатор» и др.). Но это фантастические боевики, а не реальная жизнь.

В своей книге А. В. Соколов отслеживает процесс трансформации *homo sapiens* в *Homo informaticus*. Может быть, остаться на пути к ИО только с этими двумя антропологическими типами, не привлекая никакие другие?

В разделе 4.1.2 «Глобальная викиномика» параграфа 4.1 «Глобальное информационное общество» главы 4 «От виртуализации к социализации» Аркадий Васильевич сравнивает интерактивную энциклопедию Википедия с энциклопедией Британника, издающейся как в печатном, так и в онлайн-виде. Подчёркивая преимущества интерактивного режима работы, А. В. Соколов отмечает: «обнаруженные неточности в Википедии исправляются в течение 2-х минут, а в Британнике остаются до следующего переиздания» (с. 255).

Стоит отметить, что имеется в виду переиздание печатного варианта (последнее – в 2010 г.). При этом количество онлайн-сервисов и приложений Британники неуклонно увеличивается, хотя конкурировать с Википедией по оперативности очень трудно.

Действительно, в плане оперативности представления информации среди «справочной литературы» у Википедии в современном мире конкурентов нет. Но при этом, кто поручится за точность, достоверность и аутентичность информации, представленной «больными шизофренией» и «дипломированными психиатрами» одновременно? Есть ли прописанные где-либо чёткие и внятные критерии аутентичности информации, отражённой в Википедии? Ответа на этот вопрос у научного сообщества пока нет (хотя очень бы хотелось увидеть исследования на эту тему). Поэтому учёные и не доверяют в полной мере Википедии и содержащейся в ней информации. Жаль, что Аркадий Васильевич не сказал ещё о том, что в научном сообществе по-прежнему нередко бытует несерьёзное отношение к цитатам из Википедии в научных работах.

И, наконец, самый важный дискуссионный вопрос – об использовании А. В. Соколовым понятия «виртуальная реальность». Отечественное, да и мировое, научное сообщество, вроде бы, уже несколько лет назад отказалось от употребления этого термина, признав его абсурдность. Однако Аркадий Васильевич вынес это словосочетание в название своей книги, тем самым дав возможность информационному обществу существовать как в виртуальной, так и в социальной реальности.

Попробуем подробнее разобраться в этой метаморфозе. При этом замечу, что в ряде докладов на научных конференциях (и соответствующих публикациях) я выступал против употребления прилагательного «виртуальный» в качестве синонима прилагательному «электронный». Считаю, что «виртуального» в мире материальных предметов быть не может, а всё «виртуальное» на самом деле есть «электронное». Обратите внимание: если в ссылках, приведённых ниже, заменить «виртуальный» на «электронный», станет ясно, что речь идёт о реальных процессах, происходящих в материальной электронной среде.

Как считает Аркадий Васильевич, доводом в пользу «виртуализации» библиотечно-библиографических и информационных служб наших библиотек послужил тот факт, что «взаимодействие пользователей и персонала службы ... происходит без физического контакта, благодаря использованию компьютеров и Интернет-технологий» (с. 155, 156). Однако в этом случае имеет место «физический контакт» библиографа с Сетью, в которой он проводит поиск по запросу, а также с клавиатурой, памятью и коммуникационными каналами компьютера, с помощью которых библиограф отправляет выполненную справку потребителю. Где же здесь «виртуальность»? Тут сплошь реальные каналы доставки информации (главным образом, через электронную почту).

Пойдём дальше. В России существуют «Виртуальная справочная служба публичных библиотек», виртуальные справочные службы академических (системы АН РФ) библиотек, виртуальное справочное бюро Государственной публичной исторической библиотеки, виртуальные библиографические службы в вузовских, научно-технических, общедоступных библиотеках и др. Все эти службы обслуживают информацией своих реальных пользователей, направляющих в их адрес *реальные* запросы. Как же они могут существовать и функционировать в «виртуальном» режиме, если они *реально* работают? В данном случае, на мой взгляд, абсолютно правомерна замена прилагательного «виртуальный» на «электронный».

Как пишет А. В. Соколов, «справочно-библиографическое обслуживание, опосредованное Интернетом [часто именуют] виртуальным обслуживанием» (с. 160). Соответственно, одной из примет грядущего ИО можно считать «виртуальные библиотеки, бурно распространившиеся во всем мире, в том числе нашу Президентскую библиотеку им. Б. Н. Ельцина» (там же). Отметим, что А. В. Соколов считает эту библиотеку *виртуальной* (курсив мой. – В. З.).

Однако, Аркадий Васильевич, как же можно считать «виртуальной» (читай –

несуществующей в реальности) Президентскую библиотеку, которая была официально открыта в 2009 г.?! Библиотека расположена в здании Сената и Синода в С.-Петербурге, у неё прекрасные интерьеры и разумно организованное пространство. Да, в этой библиотеке сосредоточены исключительно электронные ресурсы, но они вполне реальны. В Президентскую библиотеку можно записаться и стать её реальным читателем, чтобы работать с этими ресурсами в электронных читальных залах. В библиотеке проводятся профессиональные мероприятия. Какая же она виртуальная? А в чём заключается «виртуальность» упомянутых в книге других «виртуальных» (читай – электронных) библиотек?

Далее А. В. Соколов пишет: «Благодаря информационным технологиям стало возможно формирование таких виртуальных “социогенных” институтов, как “электронная коммерция”, “электронное правительство”, дистанционное обучение, электронные библиотеки и музеи, а также “виртуальные” справочные службы и библиотеки, которые осуществляют ... библиотечно-библиографическое обслуживание с помощью дистанционных средств связи» (с. 163). Здесь уже между прилагательными «виртуальный» и «электронный» ставится знак равенства во всех смыслах. Все перечисленные автором социальные институты функционируют в социальной реальности по своим правилам, т.е. вполне реальны.

Что же все-таки обозначает прилагательное «виртуальный»? Оно может иметь различные значения. Например, латинское *virtualis* (возможный) обозначает «потенциальные явления, которые сейчас не существуют, но могут возникнуть при определённых условиях» (с. 157). Ключевое словосочетание здесь – «потенциальные явления» (что может случиться, но чего пока не произошло). Получается, что «виртуальное» всё-таки никак не есть «реальное». Соответственно, не может быть и «виртуальной реальности», ведь её составные части взаимно исключают друг друга.

В данном случае, думается, следует вести речь не о существовании некоей «виртуальной реальности», а об интерпретации (симуляции) идеи ИО в головах учёных. Думается также, что в дальнейшем для обозначения явления, потенциально способного произойти, вместо «виртуальный» лучше использовать такие определения, как «прогнозируемый», «предполагаемый», «симулированный» и т.д., чтобы не дезориентировать читателя. А для обозначения электронной услуги подходят прилагательные «электронный», «цифровой», «компьютерный» и т.д.

Тем не менее книга профессора А. В. Соколова «Информационное общество в виртуальной и социальной реальности» – одна из первых, посвящённых рассмотрению и анализу феномена ИО с позиций разных наук. Поэтому автор даёт два ответа (в одном ответе не удалось показать в концентрированном виде междисциплинарный характер исследования) на вопрос, что такое информационное общество:

«1. *Узкосоциологический. Информационное общество* – это любительские субкультурные объединения и профессиональные социальные группы, занятые производством, совершенствованием, эксплуатацией информационной техники и предоставлением всем членам общества информационных услуг.

2. *Научно-футурологический. Информационное общество* – миф современной культуры о глобальном постиндустриальном интеллектно развитом социуме, удовлетворяющем посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства» (с. 349; курсив А. С.).

В результате А. В. Соколов делает вывод, что информационное общество – это симулякр по Ж. Бодрийяру. Возникает стойкое ощущение, что Аркадию Васильевичу доставило удовольствие разбирать «по косточкам» этот симулякр, и именно поэтому он привёл в начале

Заключения в качестве эпиграфа строфу из стихотворения собственного сочинения:

«Идя по собственным следам

И углубляясь в груды хлама,

Сооружаю – нет, не храм,

А только симулякры храма».